

Н. В. АЛЬБЕРТИНИ

Публикация Б. К о з ь м и н а

Николай Викентьевич *Альбертини* (1826—1890), которому адресовано письмо Огарева — известный либеральный публицист пятидесятых — семидесятых годов, постоянный сотрудник журнала «Отечественные записки», до перехода их в руки Некрасова, и газеты «Голос».

Уроженец г. Остер Черниговской губернии, Альбертини обучался сначала в 3-й московской гимназии, а затем, в 1846 г., поступил на юридический факультет Московского университета. Здесь он слушал лекции Грановского, Кавелина, Кудрявцева, Соловьева. В 1851 г., после окончания университета, Альбертини был «определен» преподавателем истории и законовения во 2-й кадетский корпус. С 1857 г. он начал сотрудничать в «Отечественных записках»; там печатались его рецензии и статьи о книгах исторического и политического содержания. В 1859 г. Альбертини принимал близкое участие в журнале «Московское обозрение». В том же году ему пришлось переехать в Петербург: «Отечественным запискам» было разрешено печатать политическое обозрение, и Краевский поручил вести обозрение Альбертини. С этих пор он посвятил себя исключительно литературной работе и скоро приобрел известность в либеральных кругах.

Осенью 1861 г., когда в Петербургском университете происходили студенческие волнения, Альбертини, сочувствовавший, подобно многим представителям либерального общества, студентам, разрешил им устроить сходку у себя на квартире. Об этом стало известно III Отделению: у Альбертини был произведен обыск, а сам он подвергся аресту, правда, кратковременному.

В начале 1862 г. Альбертини уехал за границу, где пробыл более года. Пять месяцев он прожил в Лондоне. Там он нередко посещал Герцена, с которым был знаком еще по Москве, там познакомился с Огаревым, Бакуниным, Кельсиевым и другими русскими, группировавшимися вокруг редакции «Колокола». Осенью 1862 г. Альбертини переехал в Гейдельберг, где в то время было немало русских. Здесь он принимал участие в организации русской читальни, служившей для русской колонии одновременно и политическим клубом (см. мою статью «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941). В феврале 1863 г. Альбертини решил возвратиться в Россию.

Правительству из донесений агентов было известно, что Альбертини неоднократно посещал Герцена и других русских эмигрантов в Лондоне. Поэтому на границе он был подвергнут обыску (оказавшемуся безрезультатным) и затем отдан под суд. Привлеченный по так называемому процессу 32-х (Н. А. Серно-Соловьевич и др.), Альбертини был оправдан (см. М. Л е м к е. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб., 1908, стр. 18 и сл.). Однако в 1866 г. он был арестован вновь по делу о русской читальне в Гейдельберге и выслан из Петербурга.

Пятнадцать лет Альбертини пришлось провести в ссылке. За это время он побывал в Мезени, Шенкурске, Архангельске, Ревеле и других местах. Только в 1880 г. ему разрешили возвратиться в Петербург. За все эти годы он не прекращал литературной деятельности, оставаясь постоянным сотрудником «Голоса», пока правительство не закрыло газету. После этого он участвовал во многих других изданиях. Однако в середине восьмидесятых годов он отошел от литературы и журналистики и посвятил себя исключительно чиновничьей службе. (Биографические данные об Альбертини заимствованы нами из названной книги М. К. Лемке, из статьи в I томе «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, а также из указанных ниже архивных дел.)

Альбертини дважды подвергался допросу об отношениях его с Герценом и Огаревым: во время следствия по процессу 32-х и следствия по делу о гейдельбергской читальне. В первый раз Альбертини заявил, что он не разделял взглядов редакции «Колокола», и в подтверждение сослался на свою пятилетнюю деятельность в «Отечественных записках», которая, по его выражению, «всегда отличалась строго законною

почвою, крепкою преданностью власти и закону». Что касается его сношений с «лондонскими пропагандистами», то эти сношения якобы ограничивались несколькими свиданиями. Уклоняться от которых он считал «делом неделикатным». «Самые свидания эти,— говорил Альбертини,— были редки и под конец моего пребывания в Лондоне прекратились» (ЦГИА, ф. 112, д. № 69, Правительствующего сената, 5-го департ., 1-го отдел., «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», лл. 2006, 2032—2033).

Показания Альбертини по делу о гейдельбергской читальне были более пространными.

«Герцен,— рассказывал Альбертини,— знал меня еще в сороковых годах, когда я, сын бедных родителей, учился в 3-й московской гимназии: он оказывал мне тогда некоторую помощь. Спустя несколько недель по прибытии моем в Лондон Герцен отыскал меня. Как ни компрометировало бы меня знакомство с этим человеком, но, зная, что весьма многие русские литераторы, сохранивши постоянно репутацию честных граждан, не уклонялись, бывая в Лондоне, от свиданий с Герценом, а главное, памятуя его внимание ко мне в детстве, я бывал у него. Там я увидел Бакунина, тогда только что бежавшего из Сибири. Он познакомился со мной и начал, с своей стороны, оказывать мне некоторые знаки внимания. Отношения мои с эмигрантами были отношения знакомства, не более; в их затее, предположения, в агитацию, пропаганду я не входил и даже разговоров с ними об этом предмете не имел. Герцен мне больше рассказывал об английской жизни, о русской литературе и литераторах сороковых годов. Бакунин больше рассказывал, как он в 1848 г. производил революции. В середине моего пребывания в Лондоне знакомство этих людей мне начало становиться в тягость: я убеждался более и более, что между ими и мною нет ничего общего, что это отверженцы своей страны, тогда как меня она всецело тянула к себе... К концу моего пребывания в Лондоне я уже так был далек от эмигрантов, что уехал, ни с одним из них не простившись» (ЦГИА, ф. высочайше утвержденной Следственной комиссии, д. № 311, 1866 г. Показания Альбертини от 9 июня 1866 г., лл. 180—181).

Было бы ошибкой полностью доверять этому показанию, тем более, что дано оно было через четыре года после событий, о которых в нем идет речь. Альбертини, по причинам, совершенно понятным, не хотел и не мог быть до конца откровенным с допрашивавшими его следователями.

Прежде всего явно неправдоподобно сообщение будто бы лондонские свидания Альбертини с редакторами «Колокола» состоялись по инициативе отыскавшего его в Лондоне Герцена. Надо думать, что Альбертини сам сообщил Герцену о своем приезде в Лондон и затем получил приглашение посетить его.

Далее, несомненно, что еще до приезда в Лондон Альбертини, если не непосредственно, то через своего друга и ближайшего товарища по «Отечественным запискам» С. С. Громеку, находился в сношениях с лондонскими эмигрантами.

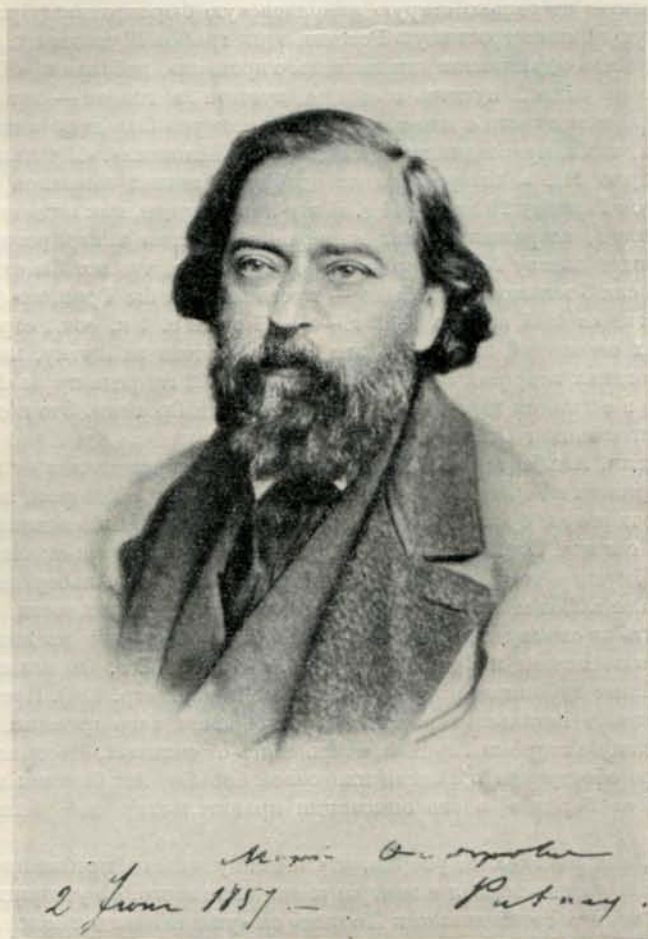
Что представлял собою в это время Громека? В прошлом — жандармский офицер, в будущем — седлецкий губернатор, яростно проводивший руссификацию после разгрома польского восстания 1863 г., Громека в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов занимал видное место среди либеральных публицистов. Литературную известность он приобрел еще в первые годы царствования Александра II, когда на страницах «Русского вестника» Каткова и в других изданиях печатались его статьи на такую животрепещущую тему, как произвол, беззакония, лихоимство и казнокрадство тогдашней полиции. Заметим в скобках, что Добролюбов (а также и соратники его по «Современнику») иронически относился к Громеке и впоследствии с насмешкою вспоминал то время,

Когда Громека с силой адской
Всё о полиции писал.

Ироническое отношение Добролюбова к нашумевшим статьям Громеки вызывалось тем, что за вопросом об очищении полиции от преступных элементов Громека не видел более важных и неотложных задач русской жизни — необходимости полного

уничтожения самодержавия и крепостничества. Возможно также, что неожиданный либерализм Громеки, столь противоречивший его недавнему прошлому, справедливо казался Добролюбову и его товарищам по «Современнику» весьма подозрительным и непрочным.

Этих сомнительных сторон деятельности Громеки, повидимому, в то время еще не усмотрел Герцен. Сохранилось несколько писем, адресованных Громекою Герцену (в отрывках и с большим количеством искажений напечатаны М. П. Драгомановым

ОГАРЕВ

Фотография с дарственной надписью Огарева М. Ф. Корш:
«Марии Федоровне. 2 июня 1857. Putney»

Исторический музей, Москва

в № 57 «Вольного слова». Женева, 1883; полностью будут опубликованы в следующем томе «Лит. наследства»). Письма относятся к 1859—1861 гг. и пропитаны приторной лестью и подобоострастием. О тоне писем Громеки к Герцену могут дать представление даже краткие выдержки. «Утешительно думать, — писал Громека 11 мая 1861 г., — что у нас в Лондоне свой король есть. И когда бы вы знали, как боятся этого короля наши цари и царьки!» «Жму вашу благородную руку — на нее только и надежда... Повторяю, нет у нас другой надежды, кроме вас», — писал он 18 апреля 1861 г. «Я часто повторял вам в письмах моих, что у нас одна только надежда — на вас. Это не фраза.

Если бы вы были среди нас, вы были бы русским Гарибальди, а теперь нам остается читать ваше евангелие и ждать, пока вы расшевелите нас», — писал он 20 мая 1861 г.

Громека в письмах к Герцену информировал его о петербургских новостях, о различных предположениях и мерах правительства, посылал ему конфиденциальные правительственные документы (вроде циркуляра по поводу всеподданнейшего отчета киевского генерал-губернатора кн. Васильчикова, напечатанного Герценом в 100-м листе «Колокола», и др.). Он давал издателю «Колокола» советы, например: рекомендовал ему «отделать» не только старую николаевскую бюрократию (Орлова, Павина и др.), но и «юную административную Россию, этих графов Шуваловых, кн. Паскевичевых и всех флигель-адъютантов николаевского времени», добавляя: «Ужаснее этого народа я ничего не знаю... пустота в сердце, пустота в голове — вот их заслуга».

В 1861 г. Громека вместе с кем-то из друзей намерен был даже эмигрировать из России в Лондон, чтобы присоединиться к издателю «Колокола». «Я читал ваше доброе письмо к Андрею Н., в котором вы не одобряете наших замыслов перебраться к вам», — писал он Герцену 20 мая 1861 г. В эту пору Герцен, как видно из только что приведенной цитаты, возражал против намерения Громеки эмигрировать, но годом позже он, по свидетельству Альбертини, «говорил как-то, что вот бы отдохнуть ему, а „Колокол“ — если б только можно было — пусть издавал бы Громека» (Письмо Альбертини к Громеке от 16/4 апреля 1862 г. — М. Л е м к е. Ук. соч., стр. 137).

Нет никаких оснований принимать эти слова Герцена за шутку, как это сделал Лемке. Герцен в таких вопросах не шутил. В 1861—1862 гг. редакторы «Колокола» не разобрались еще в истинном характере оппозиционности Громеки. Это подтверждается печатаемым нами письмом Огарева.

Как мы видели, Альбертини на допросах усердно открещивался от всякой политической солидарности с Герценом. Конечно, с тем Герценом, в котором, по выражению Ленина, «демократ все же брал... верх» над либералом, который «поднял знамя революции» (В. И. Л е н и н. Соч., т. 18, стр. 12, 14), у Альбертини и в самом деле не было ничего общего. Вместе с тем нет ничего удивительного, что Альбертини находился под большим впечатлением от журнально-политической деятельности Герцена. Об этом можно судить по отзыву его об издателе «Колокола», который мы находим в цитированном уже выше письме к Громеке от 16/4 апреля 1862 г. Он называет Герцена «нашим величайшим публицистом» (М. Л е м к е. Ук. соч., стр. 136). Происходило это потому, что, подобно остальным российским либералам того времени, Альбертини «возвеличивал» слабые стороны Герцена, отвращаясь от сильных. Несомненно, однако, и то, что по мере обострения в России классовой борьбы, Альбертини все дальше и дальше отходил от Герцена, а его оппозиция правительству все более и более тускнела.

Альбертини, как мы видели, уверял, что к концу своего пребывания в Лондоне он фактически совершенно порвал с эмигрантами. Мало этого, он утверждал даже, что в последние два месяца своей жизни в Лондоне он «уже ненавидел более эмигрантов». «Их понятия и взгляды на вещи, по мере того как они выяснялись для меня в разговорах, хотя бы о предметах, далеких от политики, — говорил Альбертини на допросе в Следственной комиссии, — становились для меня более и более противными; употребляю это слово, потому что оно лучше всего выражает истинное мое чувство». В подтверждение он ссылался на свое письмо к Краевскому от 1 августа 1862 г. из Лондона (ЦГИА, цит. дело Следственной комиссии, лл. 181—193). В письме мы находим между прочим следующие строки: «В последнее время я живу почти никого не видя, почти одинокий. Говорю — одинокий, потому что очень редко вижу русских, со многими из них я разошелся в мнениях до того, что даже как-то неловко с ними встретиться, другие — пошлые дураки» (М. Л е м к е. Ук. соч., стр. 178).

У нас нет оснований не доверять искренности этого письма. Повидимому, между Альбертини и представителями русской эмиграции в Лондоне действительно произошло в это время некоторое охлаждение. Однако несомненно и то, что полного разрыва между ними еще не было. Так, в бумагах, отобранных у Альбертини при обыске, произведенном в 1886 г., оказалось одно небольшое письмо Герцена от 11 апреля <1862 г.>.

Оно не сохранилось в деле, и о содержании его можно судить лишь по сообщению чиновника, составлявшего докладную записку. Вместе с этим письмом Герцен посылал Альбертини два письма к членам английского парламента с просьбою доставить предъявителю возможность присутствовать на заседании парламента. При этом, как отметил чиновник, Герцен советовал «предъявить эти письма при входе одному из паткулей», т. е. одному из полисменов (ЦГИА, цит. дело Следственной комиссии, л. 100). Поясним, что Паткуль был петербургским обер-полицмейстером, «прославившимся» осенью 1861 г. нападением на безоружных студентов Петербургского университета.

В конце 1862 г. Альбертини, как сказано выше, переехал в Гейдельберг. Если даже поверить его утверждению, что за время пребывания в Гейдельберге он не поддерживал якобы никаких сношений ни с Герценом, ни с Огаревым, то переписка его с Бакуниным все же остается неопровержимым фактом. Это он сам принужден был признать: в отобранных у него бумагах было обнаружено незаконченное письмо на имя Бакунина (в деле Следственной комиссии оно не сохранилось).

По словам Альбертини, инициатива переписки исходила от Бакунина, который обратился к нему с вопросами относительно его жизни в Гейдельберге. Альбертини ответил Бакунину и вскоре получил от него новое письмо, в котором тот между прочим спрашивал о дошедших до Гейдельберга новостях из России. Ответом на этот вопрос и являлось то незаконченное письмо, которое в 1866 г. попало в руки жандармов (ЦГИА, цит. дело Следственной комиссии, лл. 180—181). В нем Альбертини, по словам его показания, между прочим писал о необходимости наладить доставку «Колокола», который «доходит до России плохо».

Эта забота об организации доставки «Колокола» в Россию показывает, что, вопреки уверениям Альбертини, в гейдельбергский период своей жизни он еще не порвал окончательно связи с Лондоном. Однако несомненно и то, что это было уже накануне его полного разрыва с эмигрантами.

На допросе в Следственной комиссии Альбертини между прочим заявил:

«Чистосердечно сознаваясь в том, что я имел слабость дважды писать к Бакунину (из этих писем одно осталось неотправленным), я вместе с тем заявляю торжественно и готов подтвердить присягою на св. кресте и евангелии, что более этого сношений с эмигрантами я не имел. Ни одного письма я не писал ни к Герцену, ни к Огареву, ни к Кельсеву, ни к Долгорукову, ни к Блюммеру. С возвращения моего в Россию я вел себя как верный подданный моего государя и ни в чем противозаконном, преступном или подозрительном не участвовал» (ЦГИА, цит. дело Следственной комиссии, л. 181).

Нет никаких оснований сомневаться в полной искренности последних слов Альбертини. Действительно, со времени возвращения в Россию он вел себя относительно правительства вполне лояльно. Его пятнадцатилетнюю ссылку по делу о гейдельбергской читальне нельзя не признать вопиющей несообразностью: никакой опасности для самодержавия этот человек уже не представлял. С Альбертини произошло то же самое, что и с другими «поклонниками» Герцена из либеральных кругов: как только они убедились, что Герцен «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» (В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14), они из его поклонников обратились в его врагов.

Публикуемое нами письмо Огарева было написано еще тогда, когда Альбертини жил в Лондоне. Именно об этом письме автор его и вспомнил во время допроса в Следственной комиссии.

«Во время моего пребывания в Лондоне,— рассказывал Альбертини,— я, помнится, получил письмо от Огарева, в котором он со своей точки зрения толковал о положении русской литературы; письмо это, может быть, уцелело у меня. Конечно, оно осталось без всяких последствий, так как советам и внушениям их я не намерен был следовать. Тем не менее я не находил компрометирующим для себя хранить это письмо. Для будущего оно могло быть небезынтересным памятником» (ЦГИА, цит. дело Следственной комиссии, л. 99).

Альбертини ошибся: этого письма в его бумагах не оказалось; он, очевидно, забыл, что еще до возвращения в Россию передал его графине Е. В. Салиас (Евг. Тур),

с которой в то время был близок. Через Е. В. Салиас это письмо, вместе с другими принадлежавшими ей бумагами, попало в польскую библиотеку в Рапперсвиле.

Однако Альбертини был вполне прав, выражая надежду, что это письмо явится «небезынтересным памятником» эпохи шестидесятых годов. Действительно, письмо представляет значительный интерес, как отклик одного из издателей «Колокола» на знаменательную полемику, которую в 1861—1862 гг. с легкой руки Каткова вела против «Современника», Чернышевского и Добролюбова почти вся тогдашняя русская пресса как реакционная, так и либеральная. «Отечественные записки» в лице своих ближайших сотрудников — Громеки, Альбертини и других — принимали в этой полемике самое деятельное участие. Выступление «Отечественных записок» и других органов либеральной прессы против руководителей «Современника» свидетельствовало о том, что, в связи с отменой крепостного права, вызвавшей в России обострение классово-борьбы, либерализм стремился полностью и окончательно отмежеваться от революционного демократизма.

В этом отношении позиция, занятая «Отечественными записками», в высшей степени характерна. Вступив в полемику несколько позже «Русского вестника» Каткова, «Отечественные записки» вели ее с неменьшим ожесточением. Отвечая на их выпады, Чернышевский во второй из своих статей — «Полемические красоты» — справедливо указывал, что в ряде книжек журнала «по всем отделам, составляющимся постоянными соучастниками редакции „Отечественных записок“, рассеяны в неисчислимом количестве выходки против „Современника“» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, стр. 733).

Не менее прав был Чернышевский, когда он отмечал крайнюю неопределенность общей позиции «Отечественных записок». «Страна эта велика и обильна, — писал руководитель «Современника», — но порядка в ней нет». Чернышевский указывал, что «Отечественным запискам» никак не удается добиться определенности и единства направления. «Чего-чего не набито в них сплошь и рядом: западничество и славянофильство, умеренность и крайний образ мыслей, и все это обвито непроницаемым туманом. Как будто соединены листы, вырванные из „Русского вестника“ и „Современника“, из „Русской беседы“ и „Русского слова“, с обрывками из покойного „Москвитянина“ и прежних „Отечественных записок“ времен Белинского» (там же, стр. 733—734).

Эта неопределенность и эклектичность программы приводили к тому, что журнал Краевского в своей полемике против «Современника» отличался крайней непоследовательностью и даже противоречивостью. То на страницах журнала можно было встретить уверения в том, что у всего русского «литературного ополчения» «один враг — невежество и произвол, одна цель — благо родины» («Отеч. записки», 1861, кн. 6, «Заметка», стр. 70), ибо в России не существует различных политических партий и направлений. «Все у нас, — писал Громека, — желают одного — распространения просвещения, устранения невежества и произвола, водворения законности и правильного развития. К этой благородной цели одинаково стремятся все наши журналы <...> Споры могут быть только относительно тех или других средств, той или другой формы распространения просвещения» (там же, кн. 8, «Современная хроника России», стр. 81; выделено мною. — Б. К.). То, наоборот, сотрудники «Отечественных записок» подчеркивали, что у них нет ничего общего с руководителями «Современника», они яростно обрушивались на Чернышевского и Добролюбова как на своих непримиримых врагов и не останавливались перед самой нелепой и бесцеремонной клеветой по их адресу. То, полемизируя с «Современником», они чуть не дословно повторяли выпады, вычитанные у Каткова; то заимствовали свои полемические аргументы из известных статей Герцена «Very dangerous!!!» и «Лишние люди и желчевики».

Подобно Каткову, сотрудники «Отечественных записок» обвиняли Чернышевского и его товарищей по журналу в том, что у них отсутствуют положительные взгляды. Альбертини называл их «людьми без убеждений, без веры» (там же, кн. 3, «Политическое обозрение», стр. 24). В другой статье он уверял, будто «Современник», ограничиваясь исключительно отрицанием, «ни разу не заикнулся о том, что он особенно любит», чего добивается (там же, кн. 8, «Политическое обозрение», стр. 82).

В полном противоречии с этим утверждением сотрудники «Отечественных записок» в других статьях признавали, что «Современник» придерживается вполне определенных взглядов, но во имя своей теории он не желает якобы считаться ни с потребностями русской жизни, ни со взглядами и вкусами народа. «„Современник“, — уверял Громека, — не желает знать ни истины, ни свободы, ни прав человека и для осуществления своей теории «не расположен падить никого и ничего» (там же, «От С. С. Громеки к Н. Г. Чернышевскому», стр. 80).

Вслед за редактором «Русского вестника» Альбертини обвинял «Современник» в «легкомысленном отношении к вопросам науки, жизни, ко всему тому, что мы считаем общественным делом» (там же, кн. 3, «Политическое обозрение», стр. 25). Громека, солидаризируясь с этим обвинением, утверждал, будто бы сотрудники некрасовского журнала «бросают грязью в лучшие человеческие верования», «осмеивают всякое благородное увлечение», «объявляют, что весь мир наполнен одними негодными и мошенниками», и все это — «из одного только фокусничанья и привлечения почтеннейшей публики» (там же, кн. 5, «Современная хроника России», стр. 20).

Подобно Каткову, «Отечественные записки» упрекали сотрудников «Современника» в том, что они готовы глумиться над всем без разбора, даже над тем, что достойно не издевательства, а уважения и преклонения. Они способны «смеяться над всяким благородным увлечением» (там же, кн. 2, «Современная хроника России», стр. 95). Они не останавливаются даже перед тем, чтобы бросить «комком грязи в такого гиганта, как Макколей» (там же, кн. 3, «Политическое обозрение», стр. 25).

Особенно же возмущались сотрудники «Отечественных записок» той резкой критикой, которой Чернышевский и Добролюбов подвергали лидера итальянских либералов Кавура, «гениального», по мнению Громеки и Альбертини, человека и истинного освободителя Италии. В идиллических тонах расписывал Альбертини политические порядки Пьемонтского королевства. Там, по его словам, существует «самая тесная связь между правительством и народом», там правительство поступает «совершенно в духе народа» и всемерно стремится удовлетворять его потребности, а «народ, со своей стороны, любит свое правительство, которое считает лучшим в мире, гордится им, искренно ему предан». С яростью напал Альбертини на Добролюбова за его знаменитое «Письмо из Турина», в котором критик разоблачал мнимое благополучие населения Пьемонта и выявлял как классовую сущность политики Кавура, так и призрачность пьемонтского конституционализма. «И вот, — писал Альбертини, — является „Письмо из Турина“, в котором уже не помоями, — нет, этого мало, — а раствором ассафетиды, какою-то такою гадостью, которой уже нет названия, облито все, что составляет славу, величие современной Италии, чем она гордится, на что с удивлением, с восторгом, с уважением смотрят добрые люди во всех частях света (...)» (там же, кн. 4, «Политическое обозрение», стр. 94). Не довольствуясь злобной руганью и клеветой, Альбертини, раздраженный критикой западноевропейского либерализма, сравнил Чернышевского и Добролюбова с продажным журналистом Булгаринным (там же, стр. 98).

Озлобление Альбертини и других сотрудников «Отечественных записок» показывало, что они прекрасно понимали, каким жестоким ударом по российскому либерализму являлись статьи «Современника», посвященные критике Кавура, Токвиля, Макколея. Критикуя западных либералов, «Современник» тем самым критиковал политическую линию либералов отечественных. Этим и объясняется страстность и грубость полемических выпадов «Отечественных записок» против «Современника».

Обвинение сотрудников «Современника» в том, что, нападая на либералов, они тем самым укрепляют реакцию, было обычным, многократно повторяющимся полемическим приемом со стороны «Отечественных записок». Так, например, жалующся на «дух мрака, внезапно охвативший нашу журналистику», Громека характеризовал сотрудников «Современника» как «темные силы, выдающие себя за провозвестников света» (там же, кн. 4, «Современная хроника России», стр. 63—64). Анонимный автор «Заметки», напечатанной в кн. 6 «Отечественных записок» за 1861 г., нападая на Добролюбова и его «Свисток», утверждал, что его «болезненный и недобрый смех» вреден для русского общества, ибо он «не только замедляет наше общее выздоровление, но еще

помогает болезненным и умерщвляющим силам», т. е. реакции (там же, кн. 6, «Заметка», стр. 71).

Даже после появления в печати второй статьи Чернышевского «Полемиические красоты», в которой автор пытался втолковать сотрудникам «Отечественных записок» действительное направление политической линии, проводимой «Современником», Альбертини продолжал твердить, что сотрудники некрасовского журнала оказывают поддержку реакции, являются «вредной задержкой истинному прогрессу», и называл их представителями лжелиберализма, «граничащего с полным обскурантизмом» (Н. А л ь б е р т и н и. Автору «Полемиических красот». — «Отеч. записки», 1861, кн. 8, стр. 76).

Так Альбертини и его товарищи усердно обыгрывали и упорно раздували мысли, высказанные Герценом в статье «Very dangerous!!!», те мысли, от которых сам Герцен (после того, как его посетил Чернышевский) вынужден был, как известно, публично отказать (X, 61).

Вообще, как уже было указано, не только Альбертини, но и другие сотрудники «Отечественных записок» в своей полемике против «Современника» широко использовали произведения Герцена. Приведем несколько примеров.

Говоря о статье Добролюбова, посвященной Роберту Оуэну, Громека противопоставлял ей ссылку на «источник, более свежий и глубокий». Хотя он и не называл этот источник, было ясно, что Громека имеет в виду статью Герцена о Роберте Оуэне, напечатанную в 6-й книжке «Полярной звезды», вышедшей в начале 1861 г. («Отеч. записки», 1861, кн. 8, стр. 80—81).

Другой сотрудник «Отечественных записок», известный поэт М. П. Розенгейм, которого так зло и метко высмеивал Добролюбов, выступил в августовской книжке за 1861 г. с фельетоном «Заметки празднующающегося». В этом фельетоне он упрекал добролюбовский «Свисток» в «словесном бретерстве» и, воспроизводя заключительную часть статьи Герцена «Very dangerous!!!», писал:

Всё ему смешки, забава,
Всё ругает, всё бранит,
Словно вправду Станислава
Досвистаться воровит.

(Там же, стр. 92—93).

Наконец, во второй книжке «Отечественных записок» за 1862 г. появилась статья под заглавием «Письма об изучении безобразия» (ср. герценовские «Письма об изучении природы») за подписью: П. Прогрессистов. Автор ее, негодуя на «балаганный тон и кривляние» сотрудников «Свистка», вспоминал об одном из «самых знаменитых, почтенных всею Европою публицистов», т. е. о Герцене, и открыто ссылался на написанную им против «свистунов» статью.

Так широко и усердно публицисты и поэты «Отечественных записок» старались использовать в своих интересах либеральные ошибки и колебания Герцена, стремясь изобразить себя его единомышленниками. Это нужно было им для того, чтобы замаскировать ту «предательскую» политику широковещательного красноречия и позорной дряблости, которую они наравне со всеми другими русскими либералами неуклонно проводили и за которую им пришлось впоследствии расплачиваться своими боками, ибо, как указал Ленин, «когда „бестактные и самоуверенные“ свистуны и „задиры“ были удалены», правительство «без церемонии» взяло всех либералов «в ежовые рукавицы» (В. И. Л е н и н. Соч., т. 5, стр. 33). Уж одна судьба Альбертини служит выразительной иллюстрацией приведенного утверждения Ленина.

Весьма характерно для политической позиции «Отечественных записок» и то, что, стремясь доказать свою мнимую солидарность с Герценом, сотрудники этого журнала одновременно находили возможным расшаркиваться перед Катковым. Полемизируя с «Современником», они заимствовали у редактора «Русского вестника» многие формулировки и аргументы. Но этого мало. Громека не постеснялся открыто солидаризироваться с Катковым. Имея в виду статью Каткова «Старые боги и новые боги», направленную против «Современника», Громека писал: «Замечательна эта статья особенно

по тонкости приемов и искусству, с которым автор бьет своего врага...» («Отч. записки», 1861. кн. 4, «Современная хроника России», стр. 33).

Несмотря на отмеченную выше недостаточную четкость, а порою и противоречивость позиции «Отечественных записок» в их полемике против «Современника», сущность расхождения, разделявшего эти журналы, обнаружилась в ходе полемики с достаточной определенностью. Полную ясность в этот вопрос внесла статья «Русская литература», напечатанная в 8-й книжке «Отечественных записок» за 1861 г. и принадлежавшая, повидимому, редактору журнала, С. С. Дудышкину. Автор статьи не скрывал, что «Отечественные записки», в отличие от «Современника», стоят на стороне буржуазной политической экономии и высоко ценят не только Милля и Кэри, но и такого типичного представителя вульгарной экономической науки, каким был Бастиа, отнюдь не соглашаясь с той критикой, которой подвергал взгляды этих экономистов Чернышевский на страницах «Современника».

С меньшей откровенностью автор названной статьи признал, что в основе защиты Кавура и других западных либералов лежит признание редакцией «Отечественных записок» «закона постепенности исторической» (там же, кн. 8, стр. 151; выделено нами.— Б. К.).

Ясно, что у пропагандистов народной революции, какими являлись руководители «Современника», не могло быть ничего общего с защитниками буржуазного строя и апологетами «постепенного» прогресса. Либералов из «Отечественных записок» перспектива народной революции приводила в ужас, и из страха перед нею они были готовы идти на союз с Катковым и с правительством.

В кн. 12 «Отечественных записок» за 1861 г. Громека разъяснил, что в русской журналистике существуют два крайних фланга и центр. Что касается флангов, то на знамени одного из них (имелся в виду «Современник» и его единомышленники) якобы написано: «всё существующее безумно», а другого — «всё существующее разумно». Таково различие между флангами: однако, несмотря на это различие, оба фланга «стоят в области чистого умозрения и, следовательно, близко соприкасаются друг с другом». Что же касается «Отечественных записок», то они, как и «Русский вестник» Каткова, занимают место в центре, одинаково далеко от обоих флангов (там же, кн. 12, «Современная хроника России», стр. 42).

Статья «Русская литература» в кн. 8 «Отечественных записок» за 1861 г. и только что изложенное выступление Громеки привели к совершенному выяснению политической позиции журнала Краевского. С полной определенностью обнаружилось, что разделяют этот журнал и «Современник» не расхождения по второстепенным или частным вопросам, а проблемы принципиальные. В ходе полемики стало ясно: «Отечественные записки» Краевского и «Современник» Некрасова — политические враги, стоящие на противоположных классовых позициях. Эту противоположность, вместе с большинством современников, видел Бакунин, хотя и по-своему объяснял ее. В своих неопубликованных показаниях по делу о гейдельбергской читальне Альбертини сообщает: «От меня Бакунин выпытывал больше всего о разных лицах, участвующих в литературе, о Чернышевском, например, о покойном Добролюбове, о Якушкине, о Громеке, о Мельникове. Мои отзывы о них не совсем нравились Бакунину. «Так, я помню, например, что когда я сказал ему, что направление Добролюбова было вредно и что я считаю одним из лучших дел, сделанных моим другом Громекою, — его злую полемику против Добролюбова и Чернышевского, — Бакунин заметил на это, что мы и Громека — итены неопытные, что нас надобно, как он выразился, *обработать* еще, что вот Добролюбов, Чернышевский — те уж были люди, совершенно доделанные, *обработанные* вконец. Затем он принимался обрабатывать меня, доказывая, что литература, идущая против „Современника“, вся задулена правительством, а что „Современник“ один — нет, и что поэтому, полемизируя против „Современника“, мы этим самым, значит, доказываем только, что и сами берем деньги. Возражения мои вызывали с его стороны досаду и гнев» (ЦГИА, цит. дело Следственной комиссии, лл. 181—183).

Что же касается Огарева, то даже весной 1862 г., когда позиции обоих журналов были уже вполне выяснены, он еще не понимал глубокого принципиального значения уже завершенной полемики. В публикуемом письме к Альбертини Огарев называет

эту полемику «дрязгой», порожденной раздражительностью мелких самолюбив, и высказывает убеждение, что «из-за этой дрязги пропадает дело».

Главным же «делом» освободительного движения Огарев считал в тот момент борьбу за сплочение крестьянства вокруг требований «чтоб вся земля была земская» и за созыв Земского собора, который должен был практически содействовать осуществлению этих требований; в случае, если царь откажет в созыве Земского собора, народ должен ответить на этот отказ восстанием («Куда и откуда» — «Колокол», л. 134 от 22 мая 1862 г., ср. Н. П. О г а р е в. Избр. социально-политические и философские произведения, т. 1, М., 1952, стр. 578). Сплачивать же крестьян на борьбу за «земскую землю» и готовить народную революцию можно было, по мнению Огарева, только в «провинции», на местах, а не литературной пропагандой со страниц столичных журналов. В письме к Н. А. Серно-Соловьевичу от 8/20 июня 1862 г. Огарев писал: «Состоится ли он <Земский собор>, будет ли он сам чем-то переходным или действительно организующим? Как знать! Но я думаю, что из всех последних событий вы убедитесь, что мое озлобление на литературную дрязгу не было слишком пусто; мое озлобление шло к тому, что я вообще в петербургской суе не вижу исхода. Тут нет живой жизни, нет построения будущего, нет места для коренного движения и преобразования. Опять прихожу к моей теме, шепчу и кричу ее вам в уши, чтоб она неотступно вас преследовала: живая жизнь в провинции; если у вас нет корня в провинции — ваша работа не пойдет в рост. Я даже рад, что Петербург не в силах ничего сделать, потому что все, что он ни сделает, будет иметь результат только тот же — отместку провинции. Уясните это <...> провинциалу, ищите друзей в провинции. Вы только в провинциях встретите народ, а не мещан-извозчиков, для которых всего менее понятна коренная цель — земской земли. Мне жаль молодежь, которой не обвиняю <...>, мне жаль и ваших мещан-извозчиков — они не виноваты. Рознь верхушек уж слишком велика, чтобы понять друг друга, и сближение их всего меньше возможно на Невской набережной и Марсовом поле — оно возможно только при реках черноморско-каспийских. Оставьте мертвых погребать мертвых. Работайте в провинциях» («Былое», 1906, № 1, стр. 230—231).

Письмо Огарева к Н. А. Серно-Соловьевичу вскрывает подоплеку тех ошибочных суждений и оценок, по поводу полемики «Современника» и «Отеч. записок», которые мы находим в публикуемом документе. Увлеченный поисками союзников «на общее дело», Огарев стремится убедить Альбертини в том, что Чернышевский — вовсе не идейный противник сотрудников «Отечественных записок», а «в сущности единомышленник» их. Огарев проповедует Альбертини и Громеке примирение с их якобы «мнимым врагом». Одновременно он старается доказать своему корреспонденту, будто у него, Альбертини, и у его товарищей по журналу нет ничего общего с Катковым.

Между тем Огарев, обращаясь с письмом к Альбертини, уже знал, что Громека от своего имени и от имени Альбертини (правда, без согласия и воли последнего) ведет переговоры с Катковым относительно их участия в «Русском вестнике». Сохранилось интереснейшее письмо Альбертини к Громеке, написанное 16/4 апреля 1862 г., т. е. почти за месяц до письма Огарева, в котором тот, убеждая Громеку воздержаться от соглашения с Катковым, писал: «Вы не поверите, как тяжело отозвалось здесь <т. е. в кругу Герцена. — Б. К.> ваше известие о *союзе* с Катковым. Ведь союз этот, — ежели только вы не шутите, — объяснил для А. И. <Герцена> падение таких людей, как друзья его Евг. Корш, Кетчер, нынешних друзей Чичерина» (М. Л е м к е. Ук. соч., стр. 139).

Таким образом, редакторы «Колокола» уже знали о намеряющемся соглашении Громеки с Катковым, и тем не менее Огарев находил возможным задавать Альбертини недоуменный вопрос: «Каким образом Громека может соединиться с вредным направлением *Каткова*, идущего против реальных экономических начал и бессословного самоуправления во имя узенького доктринаризма?»

Правда, соглашение между Громекою и Катковым не состоялось: Катков звал Громеку, но Громека в «Русский вестник» не вернулся. Однако он, как уже было упомянуто выше, решился на не менее одиозный шаг, обнаружив тем истинную сущность своего временного либерализма и грошевую цену поверхностной оппозиционности: он оставил литературу для высокого административного поста, сопряженного со спе-

диальным заданием — проводить в Польше политику насильственной руссификации. Вот чем кончил человек, которого Огарев весной 1862 г. ошибочно принял за «единомышленника» не только своего, но и Чернышевского: Громека лишь по недоразумению вступил в борьбу против руководителя «Современника».

⟨Лондон. 11 мая 1862 г.⟩

Любезный Альбертини!

Перечитывая «Современник» и «Отечественные записки», нельзя не прийти к заключению, что в литературе господствует *дрязга*, вытекающая из раздражительности мелких самолюбий, и что из-за этой дрязги пропадает дело. Это наводит на мысль, что *эта литература* покончила свое дело так же, как и *это правительство*. И правительство, и литература поставили на ноги вопросы народной жизни, вызвали духов, а совладать с ними, направить их не в силах. Правительство затерялось в мелочи регламентаций и различных личных выгод; литература затерялась в мелочи завистей и личных оскорблений.

Может, и впрямь тут уже нечего делать, нечем помочь и придется оставить больных умирать, как знают. Может быть, число подписчиков на журналы будет уменьшаться по мере того, как число реальных народных деятелей будет увеличиваться. Издатели будут наказаны убытками за то, что личную дрязгу ставили на первый план, вследствие чего утратили понимание дела.

Я думаю, что состояние литературы оправдывает мой скептицизм, мое недоверие к ней, и едва ли вы усомнитесь, что я прав. Но если есть еще искра надежды на выздоровление больных, то решитесь же на усиленную попытку проповедовать в литературе забвение дрязги и союз на общее дело.

Здесь надо различать личности от направлений. Союз с вредными направлениями был бы преступен, союз с благим направлением, при забвении личных распри, был бы подвигом гражданской доблести.

Каким образом Громека может соединиться с вредным направлением *Каткова*, идущего против реальных экономических начал и бессословного самоуправления во имя узенького доктринаризма? Ведь и защитники Чичерина говорят, что они идут по строгому историческому пути, не замечая или скрывая, что они идут не по историческому пути, а по пути предательского полицейского доктринаризма. Эдак вашим друзьям может прийти в голову, что ничуть не грешно соединиться и с этим мнимо-историческим направлением, лишь бы это было против *Чернышевского*?

А, по совести, там, где Чернышевский серьезен, разве он не представляет того направления, с которым только вы и можете симпатизировать?

Уговорите ваших друзей забыть обиду и протянуть руку на серьезное действие мнимому врагу, который, в сущности, единомышленник.

Денежно *издатель* от этого только выиграет. Нравственно выигрывают *редакторы*, потому что вместо личностей пойдут во имя общего русского дела.

Тот из вас, кто первый протянет руку на союз, тому и честь гражданского подвига.

А если этого не случится, Альбертини, то бог с ней, нехай ее пропадает ваша чиновничье-семинарско-кабацкая литература, и пусть она заменится реальным народным движением, к которому она оказывается неспособною. Реальное движение создаст свою литературу не кабацкую, а народную.

Ваш О г а р е в

11 мая 1862 г.